

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Я.В. Гармышев

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, garmyv@mail.ru

Аннотация. В статье определены направления уголовного законодательства России в области противодействия экстремистской деятельности. Определена правовая природа термина «экстремизм» в зарубежном и отечественном уголовном законодательстве. Установлены отдельные признаки преступных деяний, необходимые при квалификации преступлений экстремистской направленности.

Ключевые слова: экстремизм, квалификация, уголовная ответственность, общественная безопасность.

TOPICAL PROBLEMS OF COUNTERING EXTREMISM IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

Ya.V. Garmyshev

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, garmyv@mail.ru

Abstract. The article defines the directions of Russian criminal legislation in the field of counteraction to extremist activity. The legal nature of the term «extremism» in foreign and domestic criminal legislation is defined. Certain signs of criminal acts necessary in the qualification of crimes of extremist orientation are established.

Keywords: extremism, qualification, criminal liability, public safety.

Значительное возрастание экстремизма в современном мире предопределяет определенные меры по обеспечению противодействию анализируемому явлению, как отмечается в теории права «признание особой опасности угроз экстремизма и определение противодействия экстремизму в качестве одного из ведущих направлений государственной правоохранительной деятельности уже неоднократно признавалось на самом высшем уровне» [1, с. 39]. Тем не менее на текущий момент в отраслевом законодательстве

нет единого подхода к закреплению уголовно-правового механизма ответственности за преступления экстремистской направленности.

Необходимость дополнения законодательства предопределяется тем, что в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» перечень признаков экстремизма уже не в полной мере соответствует новым угрозам и вызовам, которые возникают в настоящее время перед Российским государством.

В свое время в рамках законодательных инициатив предлагалось расширить перечень видов экстремистской деятельности и отнесения к ним, в частности, массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, национальной или религиозной ненависти или вражды, а также предлагалось также признать создание печатных, иных материалов для публичного использования, если в них содержится хотя бы один признак экстремистской деятельности [2, с. 34].

В качестве современной тенденции уголовной политики России «наблюдается направление по дальнейшей дифференциации ответственности, особенно это выражено в институте соучастия, кроме этого, с учетом возрастающей роли сети «Интернет», где сегодня активизировался экстремизм, предлагается определение вышеуказанной телекоммуникационной сети в качестве конструктивного или отягчающего признака во всех деяниях экстремистской направленности» [3, с. 613].

Изучение законодательства зарубежных государств, а также определение тенденции современной судебной практики определенным образом предопределяем вывод об устоявшейся тенденции законодательного закрепления понятия «экстремизм» в уголовном законодательстве, разработки специального законодательного акта, регулирующего противодействие экстремистской деятельности.

Данное обстоятельство позволяет выделить два подхода по мерам противодействию экстремизму в современном законодательстве в различных странах. Применительно для первого подхода характерно «довольно серьезное отношение к правовому регулированию противодействия терроризму, однако практическая реализация принятых решений требует совершенствования практики их применения, что свойственно для Российской Федерации». В качестве недостатка можно отметить, что реализация данного подхода определила декларативный характер многих положений и сложности в правоприменении. Концепция второго подхода в отраслевом законодательстве в том, что не определено понятие «экстремизм», не в полной мере определены уголовно-правовые нормы-запреты за конкретные виды «экстремистских» преступлений, но определяются критерии их установления при квалификации преступлений. Пред-

ставляется, что данный подход имеет право на существование, так как оценочные термины помогают учитывать социально-политическую обстановку, разнообразие конкретных жизненных обстоятельств, способствуют правовой инициативе, творческому подходу в реализации права и снижению показателей экстремизма. Кроме этого, следует обратить внимание на разницу между фактическим и юридическим смыслом преступных деяний, где «фактически общественная опасность преступлений связывается со всем масштабом отрицательных последствий, юридически же общественная опасность, по общему правилу, имеет количественную и качественную характеристики, а для уголовно-правовой оценки общественно опасного деяния имеет значение именно качественная характеристика общественной опасности совершенного преступления, через которую определяется объект преступления. Качественная характеристика общественной опасности преступления заключается в создании, к примеру, угрозы причинения какого-либо существенного вреда в условиях опасной ситуации в отношении отдельно взятого гражданина» [4, с. 735].

Как отмечается в теории права «субъективные признаки преступлений экстремистской направленности, особенно мотивы индивидуализируют преступное деяние и позволяют проводить отграничение от смежных составов преступлений» [5, с. 40].

Мотив ненависти или вражды является основным системообразующим признаком состава преступлений экстремистской направленности, данный подход так же характерен и для зарубежного законодательства. Преступления с такой мотивацией посягают на отношения в сфере реализации конституционного принципа равноправия граждан, и, как следствие – на основы конституционного строя, однако можно встретить критику такого подхода, так как основным критерием классификации преступлений выступает объект преступления, но никак не иные признаки, в том числе мотив [6, с. 50].

Отмечая дискуссионность и неоднозначность рассматриваемых вопросов, следует полагать, что российский законодатель в целом принял правильное решение, криминализовав экстремистские деяния, хотя по некоторым вопросам присутствует некоторая противоречивость и непоследовательность.

В юридической литературе отмечается, что одна из проблем уголовно-правового механизма ответственности за преступления экстремистской направленности связана с характеристикой терминов «ненависть» и «вражда», в системе мотивов преступлений и отмечается, что термин «вражда» является излишним, затрудняет правовую природу преступления, кроме этого согласно правилам законодательной техники данные термины нужно разграничивать, однако в правоприменительной деятельности данные термины не отделяются друг от друга [7, с. 4].

Думается, для решения вышеуказанной проблемы в качестве экстремистского мотива законодателю следует оставить только ненависть, исключив мотив вражды: так как термин «вражда» характеризует не побуждения, а объективно существующие отношения, основанные на взаимной ненависти, и в качестве мотива необходимо устанавливать ненависть, а не ее сочетание с враждой, которая предопределяет внутреннюю составляющую преступления.

«С позиции квалификации того или иного деяния как преступления экстремистской направленности важно определить как реальную (осознаваемую), так и не реальную (не осознаваемую) принадлежность потерпевшего к конкретной социальной группе, причем определяющее значение для юридической оценки деяния имеет отнесение потерпевшего к такой группе с позиции виновного» [8, с. 40].

Таким образом, для уточнения правовой природы понятия экстремизм возникает необходимость конкретизации уголовно-правового содержания дефиниции «социальная группа». В диспозиции нормы указаны определенные характеристики объективных признаков состава деяния, однако не указано, к примеру, имущественное и должностное положение, местожительства, убеждения. Как совершенно справедливо отмечается в теории уголовного права, данные признаки могут лежать в основе выделения социальных групп, поскольку ни в одной норме Конституции РФ понятие «социальная группа» не используется, но при этом в ней говорится о социальной принадлежности, выделение социальных групп по приведенным признакам и будет способом определения данной принадлежности [9, с. 75].

При закреплении характеристик признаков субъективной стороны экстремизма следует определить ключевые мотивы, исключить главенствующую роль мотивов иного характера, например, конфликтных межличностных отношений, не допуская при этом возможности использования необоснованных версий о побуждениях содеянного во избежание преждевременных выводов, способствующих нарастанию межрасовой, межнациональной или межконфессиональной напряженности в обществе [10, с. 38].

Таким образом, основная задача законодателя при определении приоритетов развития уголовной политики России в сфере противодействия экстремизму состоит оптимизации юридической терминологии, установлении единых системных критериев оценки законодательных понятий в уголовном законодательстве, создав необходимый баланс приоритетов при квалификации преступлений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бешукова З.М. Законодательные и правоприменительные аспекты противодействию экстремизму: анализ опыта Чешской Республики /

З.М. Бешукова, Л.А. Прохоров // Российский следователь. – 2011. – № 21. – С. 38–40.

2. Кашепов В.П. Квалификация преступлений экстремистской направленности / В.П. Кашепов // Уголовное право. – 2007. – №3. – С. 30–34.

3. Магнутов Ю.С. Юридические новации в области противодействия организованным формам экстремистской деятельности: доктрина, практика, техника / Ю.С. Магнутов // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 612–614.

4. Гармышев Я.В. К вопросу о квалификации некоторых оценочных понятий в уголовном праве России / Я.В. Гармышев, И.М. Егеров, С.В. Пархоменко // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10, № 4. – С. 732–739.

5. Калашникова Е.А. Субъективные признаки составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за экстремизм / Е.А. Калашникова // Юридический факт. – 2019. – № 51. – С. 39–41.

6. Векленко С.В. Уголовно-правовые средства противодействия экстремизму / С.В. Векленко // Проблемы противодействия экстремизму : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 15 октября 2009 г. – Белгород, 2009. – 356 с.

7. Борисов С.В. Проблемы определения содержания и соотношения мотивов при квалификации преступлений экстремистской направленности / С.В. Борисов // Уголовное право. – 2013. – № 6. – С. 4–10.

8. Калашникова Е.А. Субъективные признаки составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за экстремизм / Е.А. Калашникова // Юридический факт. – 2019. – № 51. – С. 39–41.

9. Хлебушкин А.Г. Установление признаков социальной группы при квалификации преступлений экстремистской направленности: теория и судебная практика / А.Г. Хлебушкин // Уголовное право. – 2013. – № 6. – С. 74–81.

10. Экстремизм: инициатива, система противодействия и прокурорский надзор : метод. пособие / под ред. проф. А.И. Долговой. – Москва : Рос. криминолог. угроза, 2009. – 171 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гармышев Ярослав Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, garmyv@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yaroslav V. Garmyshev – PhD in Law, Associate Professor, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, garmyv@mail.ru.